

Генерал А. С. Жадов: Прохоровка в моей судьбе

*Да, нам далась победа нелегко.
Да, враг был храбр. Тем больше наша слава*
К. М. Симонов

Алексей Семенович ЖАДОВ
Командующий 5-й гвардейской армией, генерал-лейтенант,
впоследствии генерал армии
Рассказывают творцы победы на Курской дуге

В СЕРЕДИНЕ 60-х годов прошлого века приоткрыли правду о войне, стали говорить о первом трагическом периоде, о миллионах погибших, и я, тогда совсем девчонка, допытывалась у деда, почему мы так "долго и позорно драпали" до Москвы, а он очень сердился и все время поправлял: "не позорно драпали, а героически отступали". Позже, когда я стала старше, прочитала стихи отца С. Гудзенко и отчима К. Симонова, симоновскую трилогию "Живые и мертвые", дневники, многое стало понятнее. Но все-таки были и остались устойчивые представления об особых вехах Великой Отечественной войны, знакомых с детства из школьных учебников истории - битве под Москвой, Сталинградской битве, Курской битве. Их официальная трактовка практически так и осталась неизменной.

В сражении на Курской дуге, справедливо считающемся поворотным моментом в Великой Отечественной войне, главным полагают танковое сражение под Прохоровкой, хотя по своим масштабам оно было гораздо меньше танкового сражения под Дубно, Бродами в июне-июле 1941 года'.

В истории Великой Отечественной войны нет ни единого случая, чтобы результат операции был достигнут действиями лишь танковых соединений, важнейшую роль всегда играет пехота, которая занимает рубежи, освобожденные танками. Однако о роли общевойсковых армий в знаменитом сражении под Курском до последнего времени известно было сравнительно немного.

Приказ Ставки о переходе под командование Воронежского фронта, срочном марше и выходе к 11 июля на рубеж реки Псел командующему 5-й гвардейской армией генералу А. С. Жадову поступил 9 июля 1943 г. Перед этим, 7 июля, из состава армии убыл в район Прохоровки 10-й танковый корпус². Армия получила боевую задачу совершить форсированный 120-140-километровый марш и занять оборону. И хотя А. С. Жадов в мемуарах пишет, что "действовали быстро и организованно", становится понятно, что 11 июля армия вступила в бой с колес, без усиления, не успев развернуть командный пункт. В самые тяжелые часы генерал А. С. Жадов руководил боевыми действиями подчиненных с артиллерийского командного пункта и, чтобы сорвать наступление немцев, вместе с начальником армейской артиллерии Г. В. Полуэкто-вым трижды создавал огневой мешок.

Представляется, что официальная версия событий на южном фланге Курской дуги складывалась непосредственно по горячим следам, чтобы прикрыть просчеты и огромные потери, допущенные при планировании и проведении операции. Для

выяснения причин неудачи и потерь впоследствии была создана комиссия под руководством секретаря ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкова, материалы которой затем были засекречены. Причем "чистке" подвергся не только штаб фронта, но и армейские и корпусные управления³. В этой версии самым тяжелым дням сражения 11-13 июля просто не нашлось места. История хранит множество подобных мифов, одни со временем заменяются действительным изложением фактов, другие же продолжают свое существование. И все же, говоря словами К. М. Симонова: "думаю, что правду не спрячешь и история останется подлинной историей, несмотря на различные попытки фальсификации ее - главным образом при помощи умолчаний... думаю, что будут верить как раз тому, что ближе к истине. Человечество никогда не было лишено здравого смысла. Не лишится его и впредь"⁴. В какой раз убеждаешься в правоте этих слов. В последнее десятилетие сделано очень много в восстановлении правды о Великой Отечественной войне как в исторических исследованиях⁵, так и в документальном кино⁶.

В мемуарах А. С. Жадов написал лишь о "строгом внушении [которое ему сделал Г. К. Жуков] за то, что полностью укомплектованная личным составом, хорошо подготовленная к выполнению боевых задач армия вводилась в сражение без усиления танками, достаточным количеством артиллерии и крайне слабо обеспеченной боеприпасами", и о том, что "всю войну помнил указание Маршала Советского Союза Г. К. Жукова [не вводить в бой армию без средств усиления] и руководствовался им. Между прочим, обращаться в Ставку за какими-либо разъяснениями и помощью-такие мысли мне и в голову тогда не пришли"⁷.

Для А. С. Жадова, который совсем недавно стал известен Верховному как военачальник, обратиться к нему напрямую вряд ли могло придти в голову. Тем более, что его заочное знакомство с И. В. Сталиным произошло при довольно необычных обстоятельствах.

Фамилия деда по рождению Жидов. Деревня, в которой он родился, когда-то принадлежала богатому еврею, что было распространено на Орловщине. Деревенских прозвали жидовы, что со временем и превратилось в фамилию. В докладах Верховному (И. В. Сталину) поименно назывались военачальники, начиная с командующих армиями. Ранней осенью 1942 г. Жадов А. С. (тогда еще Жидов) получил назначение на должность командующего 66-й армией, входящей в состав Сталинградского фронта. Не только командарму, но всей семье, находящейся в эвакуации в Омске, документы тогда поменяли за 48 часов...

Предлагаемые читателю фрагменты бесед К. М. Симонова и А. С. Жадова позволяют сегодня увидеть, насколько глубоко и болезненно Алексей Семенович переживал те далекие события. Дисциплина военного и природная честность не позволяли генералу А. С. Жадову ни кривить душой, ни сказать полную правду. Думается, без преувеличения можно считать, что события 11-13 июля 1943 г. для генерала Жадова были очень сложными, вероятно, самыми тяжёлыми за всю войну. Только несомненный полководческий талант и опыт тяжёлых оборонительных боёв начального периода войны позволили командующему 5-й гвардейской армией достойно завершить операцию.

Однако впереди у генерала А. С. Жадова было еще два года войны, блестящие операции по освобождению Полтавы, Кировограда, Сандомира, Ченстохова, Дрездена, Праги и встреча с войсками союзников на Эльбе.

Биография деда, а вернее история его жизни - это маленький осколок истории страны. Он родился в селе Никольском

Орловской области, закончил 4 класса церковно-приходской школы, а затем двое высших курсов⁸ и академию. Вступив в армию в 1919 г. красноармейцем, стал крупным военачальником. Чтобы стать начальником штаба армии, а затем командующим требовались недюжинные знания и природные данные.

О своем детстве и юности Алексей Семенович говорил мало, но сохранились беседы с ним К. М. Симонова, который удивительным образом умел разговорить людей, внушить им уверенность, что их истории значительны и представляют интерес. Образ генерала Серпилина в трилогии "Живые и мертвые", как и большинство образов героев художественных произведений, собирательный, но одной из его важных составляющих была судьба и размышления А. С. Жадова.

Корреспондент "Красной звезды" К. М. Симонов был направлен на Курскую дугу уже 6 июля, в 13-ю армию Н. П. Пухова, которая входила в Центральный фронт под командованием К. К. Рокоссовского. По горячим следам были напечатаны три корреспонденции, "две из них были о танкистах, дравшихся под Поньрями⁹, а третья - "Немец с "Фердинанда" - родилась из моего разговора с одним из взятых в плен немецких танкистов"¹⁰. Тем нескольким дням на северном фесе Курской дуги посвящена глава в дневниках "Разные дни войны", основанная на записях во фронтовых блокнотах". Важная роль в них отводилась танковым частям, которые героически сражались и смогли остановить противника на этом участке фронта. Думается, что вряд ли К. М. Симонов не слышал или даже, возможно, что-то знал о событиях на южном фесе дуги, и его острое желание узнать и рассказать правду о событиях тех страшных дней заставляли расспрашивать непосредственных участников событий и через много лет.

В данной публикации мы предлагаем отрывки из бесед К. М. Симонова с А. С. Жадовым. Они расположены не по времени, когда были сделаны, а в хронологическом порядке событий.

Беседы К.М.Симонова с А.С. Жадовым

19 ноября 1970 г.

"...[Родился я] в глухой деревне, в селе. И жили мы плохо, но, тем не менее, сельскую школу я окончил. У меня оказались хорошие способности, и сельскую школу я кончил и с похвальным листом, и с Евангелием. Но дальше учиться не было средств. Была у нас сельскохозяйственная школа в Змеевке, недалеко от нашего села, но все равно надо было там какой-то уголок иметь, платить за него, а потом платить за учебу - я не мог. И поэтому занимался я в своем сельском хозяйстве, да к дьякону и другим, в извоз ездили, кормились (но это, я думаю, не надо).

В 19-м году, когда обстановка была тяжелой, собственно, с 17-го года, революция как-то меня привлекала. У нас были старые большевики; вот недавно умер Семенов Иван Никитич, он приезжал из Москвы отсюда, потом Аксенов был, и еще другие. Они приезжали, устраивали собрания. Я мальчишкой был, даже уже юношей всегда бывал [на них], и меня это уже как-то настраивало на какой-то путь. И в 19-м году, когда пришел туда к нам Деникин, я ушел из села к Орлу. Там 13-я армия была. Я был с военкоматом связан. Я, с сельской школой, в военкомате немного писарем был, с военкоматом был связан, ушел и попал там в отряд.

Создали отряд из молодых людей, из нас, вооружать нечем было, но тем не менее немного нам пришлось участвовать в наступлении от Орла. Не на Кромы, а вот сюда, в Змеевку. С Кромы отсюда - Примаков, потом Латышская дивизия наносила удар, а мы, 46-я дивизия - левее там были"¹².

13 августа 1961 г.

"Меня вводили в армию на Курской дуге. Армия была в значительной мере укомплектована кадровым составом. Состав был превосходный, такой, что я сознательно недоукомплектовал дивизии до 9 тысяч человек, как мог бы это сделать, а оставил в них по семь, по семь с половиной тысяч. Около девяти тысяч человек оставил в армейском резерве, чтобы избежать лишних потерь в первые же дни. Был дан приказ вводить армию. Армия гвардейская, с отборным составом, а усиления никакого - ни одного танка, ни одного орудия больше положенного по комплекту. Я поставил этот вопрос сначала перед Ватутиным, потом перед Александром Михайловичем Василевским, бывшим там представителем Ставки. Он обычно очень спокойный человек и я никогда не видел его в состоянии такого крайнего возбуждения.

- Что вы мне ультиматум собираетесь предъявлять! - закричал он.

- Дан был приказ вводить армию - так вводите ее, а не предъявляйте ультиматумов. Обстановка требует, и вводите как есть.

В итоге я ввел армию. А ощущение, а чувство у меня было такое, что со средствами усиления эта армия, по своему людскому составу, могла быть громадной силой, а без средств усиления....

Вступил в бой с чувством крайней горечи за своих людей"¹³.

9 августа 1961 г.

"В первую очередь авиацией надо наносить удары, чтобы организованно противник не подготовил контрударов, а затем дальше, если это не удалось, то надо организовать отражение контрудара. Видимо для отражения контрудара надо в первую очередь - выделить часть сил, ... которые занимают выгодный рубеж, на нем быстро развертываются с ходу, развертывают все огневые средства, усилить всеми противотанковыми средствами, подтянуть туда больше артиллерии, танки частично, и встретить контрудар противника, чтобы он не получил никакого серьезного развития. В большинстве случаев так нам это дело и удавалось. Но были случаи, когда и контрудары нам наносили большие неприятности и большие потери.

Вот, например, на Курской дуге, в районе Богодухово, я не знаю, какие соображения у наших были, но насколько я теперь знаю, Ватутин и штаб знали, что немцы перебрасывают как раз туда три дивизии известные, знаменитые, "Великая Германия", "Райх" и "Мертвая голова".., ну, три танковые дивизии, мощные дивизии. У нас такое положение сложилось, что мы флангом от Богодухова нависли и решили отсюда нанести удар. Ночью мы перекантовывали туда свои войска, с утра мы провели рекогносцировки, вот как раз направление корпус Родимцева, дивизия Бакланова... Я, Ротмистров там были, артиллерист мой Полуэктов... Группа такая. Мы там сутра, с рассветом туда прибыли, договорились, рекогносцировали на месте. А войска еще выдвигались. Но уже потом солнышко появилось. Наступление было намечено что-то часов на 9 на 10. Мы закончили работу, и Родимцев приглашает завтракать, тут некогда завтракать, надо... Вдруг пошла эшелонами немецкая авиация. И начала наносить удары по глубине, как раз там корпус танковый, 29-й, Кириченко стоял, за Богодуховым... Смотрим, что такое? Что-то неприятное. Потом докладывают:

с танками атаковал противник - там как раз фронт изгибался,... фронт шел тут Богодухово. ...Мы вот так должны были идти сюда, наносить удар. ...Вдруг вот тут, 95-ю дивизию противник атаковал. Я думаю: как бы тут неприятности не было. Такой глубокий удар. Я оставляю там, не помню кого из оперативников, а сам говорю Полуэктову - давай поедем туда, а то у нас там...А как раз сюда все подтянули. Полуэктвов остался у Родимцева, немножко позавтракать, а я прямо уехал, и Ротмистров уехал. Он к себе в армию, а я поехал туда.

Вот отъехали мы километров десять, вдруг я остановился, смотрю: там, где были...у Родимцева, где штаб стоял, немцы начали лупить. Авиацией. У них основное авиация. Как они там живы остались - не знаю. В общем, в щелях попрятались и все. Потом Полуэктвов оттуда выехал, ...приехал ко мне и рассказывает; грязный весь. Как-то непонятно Конев туда тоже попал. С фронта, - он же командовал Степным, - а тут ему Ротмистров должен был переподчиниться, и вот он тут попал в самую кашу, весь был грязный, в пыли, и еще - еле оттуда выбрался. Немцы внезапно нанесли контрудар, и один полк у нас в 13-й дивизии очень пострадал, один полк 97-й дивизии. Ну, они потом километра на полтора оттеснили наших, а потом на артиллерийские позиции, а потом наши танки... Авиация бьет, и танки не идут. Танки начали жечь. И так мы их в первый день отбили. Так они взяли и потом перекаптовались южнее, там разрыв был небольшой, по Катукову. Я это к чему говорю. Вот если бы мы, если бы нас фронт предупредил, мы бы приняли меры, развернулись, подготовились на определенном рубеже, их встретили бы... И мы не по несли бы такие потери. А вот бывает так.

Генерал А. С. Жадов (в центре) с подчиненными на фронте, справа Г. В. Полуэктов. 1944 г.

К. М. Симонов (в центре) с генералами А. П. Белобородовым (слева) и А. С. Жадовым

...Ватутин говорил: "Вот если бы их там предупредить, они не будут наступать, а не предупредили, вот они наступают...". Потом нам это очень дорого стоило. Вот поэтому разведка резервов, крупных резервов противника - это одна из очень важных задач. А если обнаружены резервы противника, которые выдвигаются для нанесения контрудара или для занятия обороны на широком фронте где-то в глубине, надо их начинать сразу же под удары авиации, а затем дальше, в зависимости от обстановки, принимать решение встретить противника на этом направлении соответствующими силами и средствами, и обеспечить затем разгром их, чтобы не затормозить наше наступление"¹⁴.

28 июля 1968 г.

"В Курской операции, под Богодуховым нам двое, даже почти трое суток пришлось повозиться. Но там внезапно три дивизии - "Великая Германия", "Райх" и "Мертвая голова", это самые отчаянные дивизии, с танками. Все же мы потери небольшие понесли, но, тем не менее, отбили все, и снова уже оттуда, от Богодухова на Полтаву пошли прямо.

Не учитывать это дело, своевременно не организовывать отражение таких контрударов, которые наносятся резервами противника, уже подтянутыми из глубины, нельзя, потому что можно иметь большие неприятности. У нас же было в войну несколько таких случаев, когда, например, в Киевской операции вон куда пропороли, а потом противник как подтянул...

- ...Житомир.

- И Житомир. Это все получается оттого, что плохо ведем разведку. А потом, так это у Ватутина получалось, -он, - давай вперед и вперед, и вот также под Богодуховым. Фронт знал, что противник подтягивает танковые дивизии, но, как после, мы там с Ротмистровым вместе действовали как раз - нам ничего. Ватутин рассуждал так: если командармов предупредить, они остановятся, займут оборону, не будут наступать - и все. Но зато нам и дали за это дело.

В ходе операции командарм должен, так же, как и начальник, ни в коем случае не успокаиваться; успехи обычно большие - не терять голову, должен все время чувствовать обстановку. Должен вести войска всегда так, чтобы быть готовым ко всяким неожиданным действиям со стороны противника. В том случае, если, как это тоже было, например, как Жмаченко действовал, "ну, мол, теперь можно спать", теперь все идет, так сказать. Правда, "все идет" иногда на сутки..., положиться можно на то, что ничего особенного не случится. Вот при прорыве на Курской дуге, маршал Жуков тогда присутствовал у меня все время, -когда пехота уже прорвала вторую позицию, пошли танковые армии, он говорит: "Ну что, теперь кормить будешь? Обедать есть что или нет?". И говорит: "Теперь куда солдата направили, - он будет до вечера идти, командарму сейчас делать нечего, можно и отдохнуть. А там у тебя, у командиров батальонов, полков все идет". То-есть такой момент, когда надо было командарму действовать, он прошел. Заранее было все организовано. Сорганизовано и проверено наступление. Началась организованно атака, прорыв идет хорошо. Конечно, потом уже, куда направили, туда и пойдет солдат"¹⁵.

13 августа 1961 г.

"...Потом был бой. [11 июля 1943 г.] Хорошо, что все обошлось, сравнительно благополучно, могло быть и хуже. После боев приехал Жуков. Был у меня в корпусах, в дивизиях, одного из командиров корпуса отстранил. Приехал ко мне и самым резким образом поставил вопрос:

- Почему вы вводили армию без средств усиления? Кто так делает?! Разве это можно было делать? Почему не спорили, почему не настаивали? Вы не доросли до масштабов командарма, раз вы не сумели возражать против такого неправильного ввода армии...

Я имел возможность показать и показал документы, из которых было видно, что я настаивал на придании мне средств усиления. Настаивал перед Ватутиным, настаивал перед Василевским. В ответ на это Жуков заявил мне, что "вы не должны были этим ограничиваться, вы должны были немедленно звонить в Ставку, докладывать Сталину, что вашу армию неправильно вводят в дело".

Этим закончился разговор. Как же надо было делать, как поступать? Действительно меня ввели неправильно, но и обстановка была сложная и тяжелая. Но что же было правильно: высказав свою точку зрения командующему фронтом и представителю Ставки и получив подтверждение приказа, правильно ли было бы после этого еще звонить Сталину и требовать отмены такого приказа? Правильно ли так действовать в армии?"¹⁶.

13 августа 1961 г.

"... Это было уже в период Сандомирского плацдарма. Моя армия стояла во втором эшелоне фронта. На Сандомирском плацдарме немцы с двух сторон подрезали основные плацдармы; была угроза окружения и отсечения от Вислы всех наших армий, находящихся на плацдарме. В этой обстановке Иван Степанович [Конев] дал приказ на введение моей армии, а у меня не было средств усиления.

Я ему доложил об этом и сказал, что настаиваю на том, чтобы мне дали средства усиления. На это последовал ответ:

- Нет у меня средств усиления. Вводите. Исполняйте приказ!

Я сказал, что один раз уже я ввел вот так армию без средств усиления, а потом, еще вдобавок, подвергался за это упрекам, и еще раз прошу дать мне средства усиления.

Конев вскипел:

- Ты мне прекрати ультиматумы ставить! Что это такое? Выполняй приказ - и все.

Был крупный, тяжелый разговор. Однако в ту же ночь, вслед за этим разговором, мне последовали один за другим телефонные звонки, и стали давать одно за другим средства усиления: полк, бригаду, артиллерийскую дивизию. В течение суток Конев придал мне все, что имел возможность придать".